

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВСКОЙ ПРОЗЕ

А. П. КОЧЕВАТКИНА,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Саранского кооперативного института (филиала)
АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»*

А. И. ИГОНОВ,

*аспирант кафедры мокшанского языка
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Анализируя различные трактовки категории экспрессивности, следует отметить, что большинство исследователей выделяют следующие признаки экспрессивной лексики: 1) выразительность; 2) выражение отношения говорящего к содержанию или адресату речи; 3) наличие эмоционального, оценочного, интензивного и образного компонентов. В словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой экспрессия толкуется как «выражение чувств, переживаний, выразительность» [3, 908]. Е. М. Галкина-Федорук понимает под ней «усиление выразительности, изобразительности, воздействующей силы сказанного. И всё, что делает речь более яркой, сильно действующей, является экспрессией речи» [1, 107]. По мнению С. В. Марченко, экспрессивность – это «способность слова и других языковых единиц воздействовать на адресат речи» [2, 5]. Наиболее точным определением нам представляется следующее: экспрессивность – это совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка и речи, целого текста или фрагмента, благодаря которым обеспечивается их способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения от-

ношения говорящего к содержанию или адресату речи. Экспрессивные средства в языке служат усилению выразительности и изобразительности как при выражении эмоций, воли, так и при выражении мысли.

К фонетическим средствам выражения экспрессивности принято относить звуковую оболочку слова, изменения звука в целях усиления воздействующей силы высказывания, передачи определенных чувств, эмоций и т. п.

В произведениях современных мордовских писателей можно выделить выразительное использование таких фонетических категорий и связанных с фонетикой проявлений звучащей речи, как эмфатическое ударение, звукоподражание, анатомо-физиологические и ситуативные дефекты речи.

Эмфатическое ударение (долгота), осуществляемое длительным произношением гласного или согласного, выдвигает и усиливает эмоциональную сторону слова либо выражает эффективное состояние говорящего. Эмфатическое усиление гласного звука в середине, в конце слова может удлиниться в несколько раз: м. *Перронть келес кулевсь: – А-а-ня-я! А-а-ня-я!!* (И. Девин) – «По перрону

было слышно: – А-а-ня-я! А-а-ня-я!!!»; м. – *Дай ся сёрмать, штоба эсь сельмосон няелине. – Ма-ря-я-са-ак, тейнза дай сёрма!* (И. Девин) – «Дай то письмо, чтобы собственными глазами увидела. – Слы-ы-ши-и-ишь, дай ей письмо»; э. *Ортя кепедизе прянзо ды позаня сельмензэ ладинзе Стяпанонь лангс. – А!?* – *тандадозь серьгедевсь сон. – Те мон... мон, Гаруз Стяпан... – То-о-он,* – *кувакасто мерсь Ортя* (К. Абрамов) – «Ортя (Артемий) поднял голову и мутными (тусклыми) глазами уставился на Степана. – А!? – испуганно вскрикнул он. – Это я... я, Гаруз Степан... – Ты-ы-ы, – протяжно сказал Ортя».

Эмфаза усиливает реалистичность художественного текста, позволяя читателю ощутить взволнованность речи персонажей, то или иное их отношение к собеседникам. Через эмфатическое ударение передается интенсивность проявления действия или признака: м. *Попсь аф ламос арьсесь, вешсь, кодама грех нинге кизефтэмс и мярьгсь: – Ломатть обижакинеть? – Вай-вай-ва-ай!* *Ся тон абон, бачка, корхтат, деряй мондейне ломанць обижави?* (Т. Кирдяшкин) – «Поп немного подумал, искал, про какой бы грех еще спросить, и сказал: – Людей обижал? – Ой-ой-ой! Это ты напрасно, бачка, говоришь, разве я смогу человека обидеть?»; э. – *Вана докторось решасы тынк пелькстамонтъ, – мерсь Карцяйкин. – Мезень коряс пелькстамось? – кевкстизе Уркунов. Карцяйкин толковизе тензэ. – Мг, тевесь сложной..., што лиясто натой миньгак, специалистнэ, манявтанно вашов эльдтнень коряс. – Хо, муевсь специалистэсь! – ранкстась Лавгинов... (Коломасов) – « – Вот доктор решит ваш спор, – сказал Карцяйкин. – По какому поводу спор? – спросил Уркунов. Карцяйкин разъяснил ему. – Мг, дело это сложное, иногда даже мы, специалисты, ошибаемся по поводу жеребой кобылы. – Хо, нашелся специалист! – крикнул Лавгинов...».*

Звукоподражание – приблизительное воспроизведение природного звучания напоминающими его звуками речи (например, «ку-ку» – подражание кукушке),

«ква-ква» – подражание лягушке), а также слово, возникающее путем такого подражания (например, кукушка, квакать, квакушка) [3, 227]. Звукоподражательные слова используются как экспрессивно-стилистическое отображение действительности. С помощью звукоподражаний читающий может «слышать» эти звуки и тем самым погружаться в мир произведения. Особым многообразием отличаются звуки, издаваемые человеком посредством каких-либо его действий: м. *Аня калдор-кулдор озась оцю арзянь шири шары пианинать малас, ушедсь сурбрыса шавома акша, равжа клавишанятнень ланга, тяка пингоня нолдась вайгяль: О-о-о, О-о-о, О-о-о, У-у-у, у-у-у, у-у-у... Кулхондыхне лып-лап, лып-лап сельмосост* (Мокша, 2009, 11, 58) – «Аня шумно (букв.: калдор-кулдор) села за пианино, похожее на большой сундук, начала подушечками пальцев нажимать на белые и черные клавиши и в это же время запела: О-о-о, О-о-о, О-о-о, У-у-у, у-у-у, у-у-у... Слушатели хлоп-хлоп глазами»; м. *Мон келептине кургозень, азолексолень кяжи валхт, тянь вастс – «а-а-апчи-и-их» кшнязевонь* (там же, 59) – «Я открыл рот, хотел было сказать грубые слова, но вместо этого “а-а-апчи-и-их” зачихал»; м. – *Мезе-е-е!!! – бта давол пилезон эрьхтсь. Мон дубор-дубор потазевонь, цють изень венем пильгалу повф каймоть туркс* (там же, 57) – «Что-о-о!!! Будто ураган ударил в ухо. Я с грохотом (букв.: дубор-дубор) попытался так, что чуть не растянулся через попавшуюся под ноги лопату»; м. ... *Туп-туп-туп!* – *кулеви Тракторонь Фамилиять молемац, эхянь масторсь стакаста вайме таркси оцю землетрясениянь карша* (там же, 86) – «...Туп-туп-туп! – слышится походка Тракторной Фамилии, как будто земля тяжело дышит перед большим землетрясением»; э. *Выр велявтнесь од цёра, туекшнесь* (М. Евсеев, ЭРС) – «Парень быстро (резко) развернулся и вышел»; э. *Покине-пок одирьванть кенензэ, Чольдерь-кальдерь одирьванть грушанзо, Нул-вал одирь-*

ванть цёконзо, **луй-лай** одирьванть фатазо (М. Евсеев, т. 2) – «Постукивают (букв.: покине-пок) у невестки сапожки, Звенит, гремит у невестки монисто, Роскошные у невестки кисти, колышется у невестки фата»; *Никул Эркай стясь столенть экиштэ, мезе-бути мерсь тензэ* (Иван Прончатовненди), тона – **бырк-вырк!** – *чиезь сценать удалов* (А. Доронин) – «Никул Эркай встал из-за стола, что-то сказал ему (Ивану Прончатову), тот – бырк-вырк! (очень быстро и суетливо) побежал за сцену».

Богатую информацию образного характера несут в себе звуки, издаваемые животными: м. – **У-у-у! Гав-гав-гав!** – *сяка тев кайгондихть пинетнень пичефти моросна* (Мокша, 2009, 11, 67) – «–У-у-у! Гав-гав-гав! – то и дело слышны тоскливые песни собак»; э. *Шкань ютазь маринь: «Тра-та-та-та-та»*. *Велявтые прям ды вейке умаринать лангсто рединь сезьган* (Сятко, 1997, 9, 35) – «Через некоторое время услышал: “Тра-та-та-та-та”. Повернулся в сторону звука и заметил: на яблоне стрекочет сорока».

Неодушевленные предметы также издают определенные звуки. Их могут вызывать действия человека, силы природы, механическая и электрическая энергия. Все это наделяет неодушевленные предметы звуками, а в человеческой речи способствует возникновению звукоподражаний со значением интенсивности и образности: м. ...*Гриня кеподезе кафта почкста бахадемканц. «Ба-а-ах! Ба-а-ах!»* – *ваймонь таркси пандонять вельхкса. Пандонясь сейтов яказевсь, лангу комотсь афи азомшка оцю вирень тува... Зверсь аф козонга ворьгодсь кяшема, комотнесь срхкась стяфтыенц ширес. Гринянди тяса бахадемаль зверть коняс – аш мезьса. Кафксть ляцсь менели, зепозонза лия пулят изь путне. Вай, тядяняй-аваняй, тянь шарьхкодемда меле сон стане вадезень кочкрянзон, пилесонза мянь варма увнась. Кодама ни тоса сокст, коданга ворьгодемс тяста сяда ичкозиня. Ласьки алясь, эи тараттне – юв-юв – пилензон вакса вяшкихть, конац шама ланга хлестядьсы, бта пельса*

керсы. **Ох-вах**, ваймоц цють тарксеви. *Конашка ётка кенерькинесь ласькомс, сонцьке аф содасы. И тяса «Ба-бах! Ба-бах!»* – *аф ичкозе инголенза ляцть, меле тага кафксть. – Э-е-ей! Ожуда, тяда ляценде, тя аф зверь, тя мон, Гриня!* – *мезе ули виец пешкоды ласькись. Тяса тага – «Ця-а-ар!» «Вы-ыж-ж!»* – *мезе-бди лиезь ётась ёфси Гринянь прянц вельфке. «Вай, ня шава прятне машфтсамазь!»* – *кфчядсь алять прява, сонць хлоп ловть потмос. Кулхшонды. Аш, мельганза пани аф маряви. Сонць тага комотсь пильге лангс, ловть ланга чижелфнесь ёрдась пря лиятнень ширес. Тонат... кулезь цяторфть, тага ко-дак жахадихть кафксть. Гриня бот меки пеконц лангс, прячка ловть потмос крхмадевсь* (Мокша, 2009, 11, 64) – «Гриня поднял дустволку. “Ба-а-ах! Ба-а-ах!” – над дышащим бугорком. Бугорок зашевелился, и наружу выскочил огромный дикий кабан... Зверь никуда не собирался прятаться, а вприпрыжку направился прямо в сторону того, кто его разбудил. Здесь бы Грине бахнуть в лоб зверю – да нечем. Два раза выстрелил в воздух, а в карман другие пули не положил. Ох, мамочка, поняв это, побежал, аж пятки засверкали, в ушах ветер засвистел. Какие там лыжи, как-нибудь убежать бы отсюда куда подальше. Бежит мужик, ледяные ветки за ушами свистят (букв.: юв-юв), некоторые из них по лицу хлыщут, как ножом полозуют. Ох (ох-вах), еле дышит. Сколько он бежал, и сам не помнит. И тут “Ба-бах! Ба-бах!” – недалеко от него выстрелили, затем еще два раза. – Э-е-ей! Подождите, не стреляйте, это не зверь, это я, Гриня! – что есть силы крикнул убегающий. Здесь опять – “Ця-а-ар!” “Вы-ыж-ж!”, что-то пролетело над головой Грини. “Ой, эти пуштоловые убьют!” – мелькнуло в голове мужика, а сам – хлоп в снег. Слушает. Нет, за ним не гонятся. Сам опять вскочил на ноги, скользя по снегу, кинулся к другим. Те, услышав треск, опять как-как жажнут два раза. Гриня – бот (грох, молниеносно) на живот, аж голова в снег зарылась»; м. **Тук-тук-тук!** – *стукасть вагонть ала шарьхне* (Мокша, 1997, 3/4, 61) –

«Тук-тук-тук – стучали под вагоном колеса»; «**Бульк**», – *прась ведаркав кядьстонза модамарьсь* (В. Мишанина) – «“Бульк”, – упала в ведро картошка»; м. *Шра лангс путомста – калт!* – *калтадсь кунара рамаф кишсь* (Мокша, 1995, 6, 86) «Ложась на стол – стук! – стукнул давно купленный хлеб».

В примерах употребления мордовскими писателями анатомо-физиологических недочетов речи можно видеть такой компонент экспрессивности, как образность.

К проявлениям **анатомо-физиологических дефектов речи** относятся фиксируемые на письме возрастные особенности произношения пожилых людей, детей – шепелявость, картавость и др.: м. *Савва тоже сась куду. – Тя кие шуваи? Тя Шавушка тон шать? – Исай атя пнякклангста кизефтезе куду сувай цёранц. Исай атянь сельмонза сокорготкинешть сиредень пяльхть* (Т. Кирдяшкин) – «Савва тоже пришел домой. – Это кто зашел? Это Шавушка (Саввушка) ты пришел? – дед Исай с печки спросил заходящего в избу сына. К старости глаза деда Исая слепли»; м. *...Борис лувсь: «Раз... два... три!» – яфодезе кяденц. И Витя фатязе: – Здластвуй, бабуска-молос, Ти цево в меске пинес?.. – Не, не, не!.. – лоткафтозе Витянь аляц. – Васенда аф тянь... А потом, мон тонафнихтень: дедушка-мороз, а тон – бабуска-молос... (И. Девин) – «...Борис считал: “Раз... два... три!” – махнул рукой. И Витя начал: – Здластвуй, бабуска-молос, Ти цево в меске пинес?... – Не, не, не!.. – остановил Витю отец. – Сначала не это. А потом, я тебя учил: дедушка-мороз, а ты – бабуска-молос...»; э. *Вете иесэ цёрынезо мольсь ваксозонзо, ноцковтызе понкс пильгеде ды кевкстсь: – Тетяй, а тетяй? Те мезе гонолалось?* (Сятко, 1997, 9, 134) – «Пятилетний мальчик подошел к отцу, дернул за штанину и спросил: – Папа, а папа, что такое гонолал (гонорар)?»; э. *Яхимень цёрась,**

Ванька, весть чийсь ялганзо кис. – Коя, адя монь майто! – Ков? – кевкстизе Коля. – Адя седе куёк! – Ванька зепстензэ таргась васоньбеельть. – Тетям пиесэ улы, сеясь кайдазэ... (В. Коломасов) – «Сын Яхима, Ванька, однажды прибежал за другом. – Коя (Коля), пойдем со мной! – Куда? – спросил Коля. – Пойдем быстрее! – Ванька вытащил из кармана ножницы. – Отец в огороде спит, коза в хлеву...».

В примерах употребления мордовскими писателями анатомо-физиологических недочетов речи можно видеть такой компонент экспрессивности, как образность. Данное фонетическое средство используется, в частности, для передачи речи лиц в нетрезвом состоянии: *Стропилкин весе сорновтошь, тетькинзе якстере сельмтнень ды авардезь ладсо мерсь: – Ишак шюлмишимизь, понимаешь, шюлмишимизь. Дай ишень таликанть течии!* (К. Абрамов) – «Стропилкин задрожал, вылупил красные глаза и чуть не плача попросил: – Вчера меня связали, понимаешь, связали. Дай мне вчерашнюю долю сегодня».

В произведениях мордовских авторов встречаются слова, передающие заикание, возникшее, в частности, от сильного страха: м. – *Тя мезе тяфта мархтот? – ялганц вакс пачкодемда меле мзолдозь кизефтсь Витёк. – Вай, шамаце, бта афи тонцень... – Ар-ар-р-р-аттяф-тяф-тата-м-м-кс, – кяркназь-мкназь каршезонза мярьгсь тона... (Мокша, 2009, 11, 62) – «– Это что с тобой? – подойдя к другу, с улыбкой спросил Витек. – Ой, лицо будто не твое... – Ста-а-а-нешь та-та-ки-и-им, – заикаясь сказал тот...»; э. *Андрон... чувтомсь... – Оймень грабамо сьть, разбойник? – Чу-чуман. Ме...мезе бажат монь марто т...тееме?* (А. Куторкин) – «Андрон... замер... – Душу ограбить пришел, разбойник? – Ви-ви-новат... Ч-что со мной собираешься д-делать?».*

К ситуативно-произносительным средствам экспрессии следует отнести искажение русских слов из-за незнания языка: м. – *Ну, староста, сембе*

анокт? Или нинге коль келепнесак кургценъ? – Анокт, анокт, ваше пldародия... (Т. Кирдяшкин) – «– Ну, староста, все готовы? Или все еще рот разеваешь? – Готовы, готовы, ваше благородие»; м. – *Мезе тяни, Куля бабай, – кувакаста таргазе сон. – Сави кудце ликвидировать... Куля баба спасибазь люпитазень мяштезонза кядензон: – Литидировать, – аозе сон председательть мельге мялезонза туф валть. – Кудбриянзень вельхтяфтсак, стане? Николай Андриановиченди ашезь кирдев бабать кенярдиень ванфоц и шарфтсь вальмять шири. – Аф ёфси стане,...мон мярьгонь, сави урядамс ульцяста кудценъ...* (В. Мишанина) – «– Что теперь, баба Акулина, – протяжно произнес он. – Придется дом твой ликвидировать... Баба Акулина признательно (благодарственно) сложила руки на груди: – Литидировать, – повторила за председателем понравившееся ей слово. – Крышу дома моего покроешь, так? Николаю Андриановичу стало неловко, не выдержал радостного взгляда старушки и отвернулся к окну. – Не совсем так, я сказал, убрать придется твой дом с улицы...»; э. – *Монь лемем эрзякс – Таня, рузокс – Татьяна, а хвамелиям – Нужань. – Валдаева, – ёвтась кисэнзэ Витя. – Сон минек тейтернесь* (А. Куторкин) – «Меня зовут по-эрзянски – Таня, по-русски – Татьяна, а фамилия – Нуждаева. – Валдаева, – сказал за нее Витя. – Она наша (из нашего села) девочка».

Таким образом, в произведениях современных мордовских писателей такие фонетические категории, как звукоподражательные слова, эмфатическое ударение, анатомио-физиологические и ситуативные дефекты речи, искажения слов и др., наделены экспрессивностью, поскольку в их значении присутствуют ее компоненты: интенсивность, оценочность и образность. Образность в тексте выступает в качестве связующего, обобщающего компонента, а интенсивность и оценочность проявляются в разных ситуациях и контекстах, причем либо слабо, либо, наоборот, очень ярко.

Поступила 03.02.2014

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

м. – мокшанский язык;

э. – эрзянский язык.

ИСТОЧНИКИ

- Абрамов, К. Г. Найман : роман / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1957. – 397 с.
- Абрамов, К. Г. Ломантне теевсть малацекс : роман / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1961. – 428 с.
- Девин, И. М. Нардише : роман / И. М. Девин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1969. – 424 с.
- Доронин, А. М. Кинть ютасы молицясь : очеркть / А. М. Доронин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1994. – 176 с.
- Евсеев, М. Е. Избранные труды / М. Е. Евсеев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – Т. 2. – 527 с.
- Кирдяшкин, Т. А. Кели Мокша : роман / Т. А. Кирдяшкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1953. – 299 с.
- Коломасов, В. М. Лавгинов : роман / В. М. Коломасов. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1956. – 229 с.
- Куторкин, А. Д. Лажныця Сура : роман / А. Д. Куторкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1969. – Кн. 1. – 426 с.
- Мишанина, В. И. Ки лангса ломать : рассказ и повесть / В. И. Мишанина. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1985. – 166 с.
- Мишанина, В. И. Ёронь юромста стирня : азкст, пьесат, повесть, ёфкст / В. И. Мишанина. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 2006. – 344 с.
- Мокша : литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 1995. – № 6. – 1997. – № 3/4 ; 2009. – № 11.
- Сятко : литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 1997. – № 9.
- Эрзянско-русский словарь. – М. : Рус. яз. : Дигора, 1993.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. Профессору МГУ акад. В. В. Виноградову. – М., 1958. – С. 103–124.
2. Марченко, С. В. Категория эмотивности и экспрессивности в повестях и рассказах И. С. Тургенева 1871–1882 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Марченко. – Самара, 2001. – 18 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.